

нило, что я намеревался по приѣздѣ Тургенева предложить ему съездить на Вашъ пиръ. Но приѣздъ этотъ къ несчастью не продолжалъ по случаю кашля и наклеенной мушки, надъ которой я не могу смеяться, ибо самъ въ то время былъ оклеенъ мушками. — Потомъ почему-то два или три письма, въ которыхъ я писалъ къ Вамъ про Дедевеля и про впечатлѣнныя, произведенное имъ на меня, я разорвалъ. — Теперь, чтобы не случилось того-же, не буду писать и про это. Пишу только, чтобы Васъ поблагодарить за Колоколь и добрый совѣтъ о романе. За слишкомъ лестное мнение о мнѣ не благодарю. Оно вредно. Огарева воспоминанія я читалъ съ наслажденіемъ и очень былъ гордъ темъ, что не зная ни одного декабриста, чутьемъ угадалъ свойственный этимъ людямъ христіанскій мистицизмъ. Изъ брабанскихъ кружковъ я вчера вырвался и нынче ночью въ Эйзенахе, день въ Іенѣ, 2 дня

въ Дрездене и въ Варшаву, которая все больше и больше интересуетъ меня. Ежели найду случай, напишу Вамъ изъ Варшавы. Читали ли Вы подробныя положенія о освобожденныхъ? Я нахожу, что это совершенно напрасная болтовня. Изъ Россіи же я получилъ съ двухъ сторонъ письма, въ которыхъ говорятъ, что мужики положительно недовольны. Прежде у нихъ была надежда, что завтра будетъ отлично, а теперь они верно знаютъ, что 2 года будетъ еще скверно и для нихъ ясно, что потомъ еще отложить и что все это «господа» делаютъ. Кланяюсь Вашей дочери, Николай Платонычу и его жене и Вамъ дружески жму руку, надеясь такъ или иначе до свиданья. Ежели захотите мне прислать что-нибудь, то въ Дрезденъ *poste restante*, а то черезъ Киссена.

Л. Толстой.

9 (цифра стерта) апреля.
Франкфуртъ.

Владиміръ Соловьевъ и мы

Книга К. В. Мочульскаго *) по новому обращаетъ насъ къ Вл. Соловьеву и побуждаетъ подвести итоги нашему отношенію къ нему. О Вл. Соловьеве много писали. Для оценки философіи Вл. Соловьева наиболее капитальной является двухтомная работа кн. Е. Н. Трубецкаго «Мирозозерцаііе Вл. Соловьева». Но замыселъ книги К. Мочульскаго новъ въ литературѣ о Вл. Соловьеве. Его

интересуетъ прежде всего личность философа, онъ пытается разгадать ея тайну. К. Мочульскій не разсматриваетъ отвлеченно философскія, богословскія, социальныя идеи Вл. Соловьева, онъ ихъ связываетъ съ его духовной біографіей, съ его духовнымъ опытомъ. Поэтому книга эта читается съ захватывающимъ интересомъ. Въ ней много новаго о Вл. Соловьеве, использованы мало известныя письма, делаются более ясными различныя періоды въ его творческомъ пути. Вл. Соловьевъ принадлежитъ къ самымъ зага-

*) К. Мочульскій. Владиміръ Соловьевъ. Жизнь и учене. YMCA-Press. Парижъ, 1936.

дочнымъ личностямъ въ исторіи русской мысли и литературы. Онъ не раскрываетъ себя въ своихъ произведеніяхъ, какъ раскрываетъ себя во всехъ своихъ противорѣчіяхъ, напр. Достоевскіи, онъ наоборотъ скрываетъ себя. Стихи много даютъ для его пониманія, но и въ нихъ онъ прикрываетъ себя шутиливой формой. Шутовство, переходящее въ кощунство, къ которому имѣлъ жуткую склонность Вл. Соловьевъ, можетъ быть объясняется желаніемъ себя скрыть, стыдливимъ охраненіемъ святого святыхъ своей души. За Соловьевымъ дневнымъ всегда чувствуется Соловьевъ ночной. К. Мочульскіи много даетъ для разгадыванія тайны этой почти легендарной личности. Но врядь ли тайна будетъ когда-нибудь окончательно разгадана. Безспорно личность Вл. Соловьева значительнѣе его книгъ. Онъ не былъ вкорененнымъ въ землю, массивнымъ человѣкомъ, какъ Л. Толстой. Это былъ странникъ, чловѣкъ безбытный, отвлеченный, воздушный. Внешне онъ имель много друзей, въ томъ числѣ двухъ будущихъ оберъ-прокуроровъ Св. Синода, со многими былъ на ты, онъ былъ общительнымъ человекомъ, но внутренно онъ былъ страшно одинокъ и ни съ кемъ не былъ близокъ. Онъ принадлежалъ къ людямъ, которые плохо видятъ людей и окружающую обстановку. И онъ вероятно боялся реальности, боялся встречи лицомъ къ лицу съ действительностью. Вл. Соловьевъ былъ необыкновенно добрымъ человекомъ, очень жалостливымъ, онъ отдавалъ последнее, что можетъ быть недостаточно подчеркнута К. Мочульскимъ. Но это была какъ бы

безразличная доброта, въ ней было мало теплоты, мало личнаго отношенія. И это связано съ типомъ соловьевскаго эротизма, съ его платонизмомъ. Тема о Вл. Соловьевѣ мнѣ представляется прежде всего темой о платонизмѣ, какъ жизненномъ пути. К. Мочульскіи хотеть понять и личность Вл. Соловьева и его учете изъ его мистической эротики, какъ основнаго опыта жизни. Въ этомъ своеобразіи и значеніи книги. К. Мочульскіи исходитъ изъ предположенія о подлинности мистическаго опыта мыслителя. У Вл. Соловьева, какъ и всякаго значительнаго мыслителя, была своя первичная целостная интуиція, изъ которой объясняется все его Мирозерцаше. То была интуиція конкретнаго всеединства, связанная съ встречей съ Софіей, Вечной Женственностью Божіей. К. Мочульскіи хотеть верить, что этотъ опытъ встречи съ Софіей действительно былъ. Мнѣ представляется этотъ вопросъ сложнымъ. Конечно, у Вл. Соловьева былъ подлинный опытъ, скрытый за его слишкомъ рациональными и схематическими философско-богословскими построеніями. У него было подлинное видѣніе красоты всеединства. Но это не значить, что у него была встреча съ самой Софіей, это не значить даже, что Софія въ соловьевскомъ смыслѣ существуетъ. Соловьевъ объективировалъ и гипостазировалъ то, что раскрывалось въ субъективности его собственнаго существованія. Весь платоновскіи миръ идей на этомъ основанъ. Подлинной была именно субъективность, именно она реальна. Объективнація же этой субъективности легко создаетъ иллюзіи соз-

нанія. Вл. Соловьевъ всю жизнь жаждалъ преображенія космоса зъ красоте и жажда его была праведна. Но встреча съ этой красотой, принимавшей образъ женщины, была иллюзорна, какъ иллюзорны были встрѣчи А. Блока съ Прекрасной Дамой. Съ этимъ связана трагедія жизни Вл. Соловьева. У него была эротическая натура, но эротичность его была платонистическая: этимъ очень многое объясняется. Но въ природе Вл. Соловьева быть и совсемъ другой элементъ, полярно противоположный и не менее сильный, элементъ моральный. Въ книгѣ К. Мочульскаго недостаточно подчеркнуть этотъ моральный пафосъ Вл. Соловьева, которымъ определяется его критика историческаго христіанства, его обличенія национализма, его требованія, чтобы заветы Христа были осуществлены въ социальной жизни. Христіанская политика Вл. Соловьева какъ разъ совсемъ не эротична, она этична. Очень интересно это совмѣщеніе въ немъ противоположностей. Все «левые» уклоны Вл. Соловьева имели эпическій характеръ. Съ этимъ связаны и соловьевскій гуманизмъ. Онъ былъ типичнымъ христіанскимъ гуманистомъ. Онъ былъ также русскимъ романтикомъ, можетъ быть единственнымъ подлиннымъ романтикомъ въ исторіи русской мысли. Съ романтизмомъ связана его боязнь действительности, его уходъ въ отвлеченную мысль и въ мечту.

К. Мочульскій отлично показываетъ, какъ изъ первоначальной соловьевской интуиціи всеединства, которая есть также интуиція Софіи, раскрывается вся система религиозной философіи. От-

сюда объясняются и слабыя стороны системы, отъ которой Вл. Соловьевъ отходить подъ конецъ жизни, — монизмъ, эволюционизмъ, оптимизмъ, утопизмъ, слабое чувство зла, недостаточное пониманіе проблемы личности и свободы. Философія Вл. Соловьева находится въ линіи Платона и Шеллинга. Это система мистическаго рационализма или рационалистическаго мистицизма. Намъ сейчасъ наиболее чужда манера философствовать Вл. Соловьева. Это есть схематическій интеллектуальный конструктивизмъ, то, отъ чего такъ предостерегаетъ современная феноменологія. Схема соловьевской теократіи есть умственная конструкція. Созданіе такой теократической системы совсемъ не означаетъ проникновенія въ дѣйствующія въ исторіи реальныя силы. Вл. Соловьевъ вѣрилъ, что умственный синтезъ можетъ возродить общество. Теократическая система есть безспорно самая слабая сторона соловьевской религиозной философіи и она сама ея подъ конецъ жизни разрушила. Крахъ теократической утопіи есть можетъ быть самое значительное событіе въ умственной и духовной жизни Вл. Соловьева. Самымъ же сильнымъ и сохранившимъ свое значеніе и доныне является его учете о Богочеловечестве. Въ этомъ ученіи онъ интегрировалъ христіанству универсальный гуманизмъ, призналъ значеніе человеческой стороны христіанскаго откровенія и подвергъ критикѣ моноэнигматскую тенденцію въ историческомъ христіанствѣ. Но неудовлетворительность его философской антропологии и его исконный платонизмъ не даютъ возможности обосновать

вать творческую активность человека. Вл. Соловьев главный основоположник платонистической традиции в русской религиозной философии, с ним связаны ее софиологические тенденции. В западной мысли ему ближе всего германская свободная христианская теософия, особенно Шеллинг последнего периода и Фр. Баадер. Религиозная философия Вл. Соловьева не может быть названа персоналистической, хотя он нередко говорит о принципе личности и опровергает элементарные заблуждения пантеизма. Но проблема Бога и проблема человека, как проблемы личности, у него подавлена проблемой идеального космоса, предвечной женственности Божьей. С этим связано сравнительно слабое чувство евангельского образа Христа. Эти особенности Вл. Соловьева отпечатались на русском духовном ренессансе начала XX века. Ему свойственна была положительная проблематика Вл. Соловьева, но вместе с тем в нем недостаточно было сознано вечное значение принципа личности.

Стал ли Вл. Соловьев католиком? На этом настаивают сами католики, напр., д'Эрбини в своей книге о Вл. Соловьеве К. Мочульский совершенно справедливо утверждает, что Вл. Соловьев стоял на сверхконфессиональной точке зрения, да и вообще был мало церковным человеком. Он исповедывал религию Св. Духа, как в сущности и все наиболее замечательные русские религиозные мыслители. Вл. Соловьев был вероятно единственный сторонник соединения церквей, а не присоеди-

нения православной церкви к католической или католической церкви к православной. Соединение церквей для него означало выявление подлинно вселенской сверхконфессиональной церкви. Он хотел стать католиком, оставаясь православным. Это была одна из основных тем его жизни. Поэтому неверно ставить вопрос о том, был ли Вл. Соловьев православным или католиком, он не был ни православным, ни католиком, или и тем и другим. Ничего не доказывает, что он принял католичество у русского католического священника Толстого и что перед смертью он исповедывался и причащался у православного священника. К. Мочульский это как-будто отлично понимает, но вместе с тем он хочет доказать, что Вл. Соловьев не перешел в католичество и остался православным. Тут есть противоречие. Лучше было бы совсем возвыситься над католической или православной апологией. Интересно, что Вл. Соловьев, несмотря на свои католические симпатии, плохо знал католичество внутренне, католическую духовность. Для осуществления своей теократической утопии он хотел соединить русского царя с римским первосвященником. Этот нелепый проект совсем не стоял на высоте экуменической темы, которая мучила всю жизнь Вл. Соловьева и в которой он остается нам очень близким.

Самая оригинальная и самая сильная сторона книги К. Мочульского это его попытка связать всю умственную и духовную жизнь Вл. Соловьева с его своеобразным эротическим опытом. Пер-

вичная интуиция Вл. Соловьева была интуицией эротической. «Эротическое» не слѣдуетъ смѣшивать съ «сексуальнымъ». Эросъ принадлежитъ царству платонизма. У Вл. Соловьева былъ сильный аскетическій элементъ въ природѣ. Его эротизмъ былъ трагедіей платонизма. Въ этомъ вся значительность жизненной судьбы Вл. Соловьева. Онъ былъ влюбленный философъ. Но эросъ есть порожденіе не только богатства и избытка, но также бедности и недостатка. И Вл. Соловьевъ всю жизнь былъ въ этомъ смыслѣ бѣднымъ, испытывать нужду. Онъ искалъ восполненія. Богатымъ онъ былъ не въ своемъ эротизмѣ, а въ своей доброте и милосердіи. Платоническій эротизмъ безысходенъ, потому что онъ направленъ не на конкретное существо, не на человеческую личность, не на живую женщину съ неповторимымъ лицомъ, а на высшую идею, на высшее благо, на красоту, на вечную женственность Божью. Вл. Соловьевъ былъ влюбленъ въ Софію, въ преображенный въ красоту космосъ. Конкретныя же женщины, Хитрова, Мартынова, особа встреченная въ поѣздѣ, были случайно и иллюзорно связаны съ Софіей, которой искалъ Соловьевъ. Поэтому женщины, которыхъ встречалъ на своемъ пути Вл. Соловьевъ и въ которыхъ влюблялся, всегда приносили лишь разочарова-ніе. Софія не могла воплотиться въ женщину, въ конкретномъ человѣческомъ существѣ. Полубить же конкретное человеческое существо Вл. Соловьевъ не могъ, въ этомъ трагедія платонизма. Особенно трагична его встреча съ Анной Шмидтъ, уже подъ конецъ жизни. А. Шмидтъ

была, конечно, самой замечательной, самой одаренной женщиной на соловьевскомъ пути. У Анны Шмидтъ было безуміе, испугавшее Соловьева, — она считала Соловьева Христомъ, а себя церковью. Но ея мистическая книга изумительна, она напоминаетъ великія творенія мистической литературы. И вотъ что произошло съ Вл. Соловьевымъ. Онъ всю жизнь вѣрилъ, что Вечная Женственность прекрасна, что она воплощается въ образе женской красоты. И вотъ Софія—Анна Шмидтъ оказалась уродливой, отталкивающей, лишенной всякой женской прелести. Это подрывало вѣру Вл. Соловьева въ Софію. Онъ началъ сознавать, въ какой степени онъ жилъ въ иллюзіяхъ, въ обманныхъ образахъ. К. Мочульскій справедливо считаетъ статью Вл. Соловьева «Смыслъ любви» самымъ замечательнымъ изъ всего написаннаго Вл. Соловьевымъ. Въ «Смыслѣ любви» Вл. Соловьевъ былъ можетъ впервые въ исторіи христіанской мысли связываетъ проблему любви, любви эротической, съ личностью, съ полнотой и вечностью личности. Но это какъ разъ глубоко противоположно безличному, платоническому эротизму. «Смыслъ любви» не имеетъ прямой связи съ соловьевской софіологіей и даже опровергаетъ ее.

«Повесть объ антихристе» означала крахъ иллюзій Вл. Соловьева, всехъ обманныхъ образовъ и прежде всего обманнаго образа теократіи. Міросозерцаніе Вл. Соловьева делается исключительно эсхатологическимъ. Онъ более не веритъ въ дело исторіи. Исторія кончилась и начинается сверх-историческая, апокалиптическая

эпоха. К. МочульскШ прекрасно описывает драму Вл. Соловьева, его возстаніе подь конецъ жизни противъ самого себя. Но онъ придаетъ слишкомъ большое значеніе послѣднему періоду Соловьева, слишкомъ абсолютизируетъ то, что пережито было Соловьевымъ, онъ повидимому более всего сочувствуетъ періоду «Повести объ антихристѣ». Но думается, что одинаково неверенъ и оптимизмъ Соловьева, строившаго утопіи всемірной теократіи, и его крайнШ историческШ пессимизмъ, когда онъ отдавалъ міръ во власть антихриста. Пассивная апокалиптичность, ожидающая конца, есть ложное направленіе сознанія. Этому нужно противопоставить активную апокалиптичность Н. ведорова. Вл. Соловьевъ былъ натурой пророческой и онъ сознавалъ свое пророческое служеніе. Онъ многое прозревалъ. Но онъ объективировалъ и свою

субъективность, связанную съ оптимистической обращенностью къ Софіи и къ теократіи, и свою субъективность, связанную съ обращенностью къ концу, свою личную эсхатологію. Въ частности нужно сказать, что полемика Вл. Соловьева съ Л. Толстымъ, иногда скрытая, не заслуживаетъ никакого сочувствія, онъ былъ несправедливъ къ Толстому. Мы очень многимъ обязаны Вл. Соловьеву, его проблематика вдохновляла последующую мысль. Но между нами и Вл. Соловьевымъ лежитъ опытъ, котораго онъ не зналъ. Мы пережили Маркса, Ницше, две революціи и для насъ уже невозможны многія иллюзіи Соловьева. Но онъ остается однимъ изъ самыхъ изумительныхъ, самыхъ значительныхъ русскихъ людей. Книга К. Мочульскаго много даетъ для его пониманія и для почитанія его памяти.

Николай Бердяевъ.

По поводу книги Б. Нольде

Книга бар. Нольде «L'Alliance Franco-Russe» — превосходная книга. Кого она не оттолкнетъ сразу объемомъ или заглавіемъ, тотъ дочитаетъ ее до конца съ возрастающимъ интересомъ; говорю не про специалистовъ, а и про широкую публику.

Авторъ указываетъ самъ на одну изъ причинъ такого успеха. На эту тему было много написано, но значеніе прежнихъ писаній теперь стало ничтожно. У тогдашнихъ авторовъ не было настоящаго матеріала; онъ появился после войны и революцій, когда стали опубликовываться секретные документы и нескромныя

воспоминанія. Это преимущество нашего автора; но его личная заслуга, что онъ его прекрасно использовалъ.

Не нужно думать, что новый матеріалъ внесъ «переворотъ» въ прежнее пониманіе. Разрывъ Россіи съ дружественной Германіей, союзъ самодержавнейшаго Александра Ш съ «республиканскою и безбожною» Франціей произошли на нашей памяти. Теперь самья противоположенныя дружбы неспособны никого удивить. Но тогда это было такимъ сенсационнымъ событіемъ, что история его стала предметомъ специальныхъ изслѣдованій. Въ общемъ